

СИНТАКСИС И СЕМАНТИКА ПАРТИТИВНЫХ И ПСЕВДОПАРТИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

А. В. Соловьёва

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва
nit-sol@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отличительные черты горномарийских конструкций, содержащих N1 — меру субстанции / контейнер, и N2 — некантованную сущность. Утверждается, что разным синтаксическим структурам этих конструкций соответствуют разные интерпретации.

Подробнее мы останавливаемся на конструкциях с соположением, обладающих мерным прочтением, показывая, что в горномарийском они имеют DP структуру, в которой наблюдается более тесная связь числительного с N1.

Отдельное внимание уделяется особенностям образования псевдопартитивных и партитивных конструкций, которые, передавая значение ‘часть-целое’, отличаются друг от друга тем, что первые имеют дело с подмножеством нереферентного множества единиц, а вторые — с подмножеством референтного множества.

Ключевые слова: партитивные и псевдопартитивные конструкции, мерная интерпретация, контейнерная интерпретация, интерпретация порции, конструкции с соположением.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 19-012-00627 «Семантика и синтаксис урало-алтайских языков в функционально-типологической и формальной перспективах». Предварительные версии данной работы были представлены в докладах на XIV Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, ноябрь 2017 г.) и на конференции «Малые языки в большой лингвистике» (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, ноябрь 2017 г.).

**Partitive and pseudo-partitive constructions in Hill Mari:
Syntax and semantics**

A. V. Soloveva

Lomonosov Moscow State University, Moscow
nit-sol@mail.ru

Abstract. This paper addresses major semantic and morpho-syntactic peculiarities of nominal constructions in Hill Mari which generally include two nominals designated as N1 and N2. N2 describes an entity or a single item, while N1 either quantifies it or provides a description of its container. The paper argues that different interpretations of such constructions (Ad Hoc Measure reading, Specific Portion reading and Container + Contents reading in terms of V. Borschev and B. Partee) correspond to different types of syntactic structures in Hill Mari.

This paper mostly focuses on the structure of juxtaposed constructions, which can only have an Ad Hoc Measure reading in Hill Mari. My assumption is that, even though their referential interpretation is impossible, they are full nominals with a DP structure, because N1 can take a possessor as a modifier. Such DPs consist of a numeral and N1, but not of N1 and N2 forming a single constituent. Both components can be modified by adjectives (N1, by size adjectives only), but not by demonstrative or indefinite pronouns, since the construction represents a non-referential set of items.

The paper also considers Hill Mari means for expressing relationships between N1 and N2 components in partitive (a presupposed set of items) and pseudo-partitive (an undefined set of items) constructions. This section mostly analyzes generalizations on similar structures made for a sample of over 50 European languages by M. Koptjevskaja-Tamm.

Keywords: partitive constructions, pseudo-partitive constructions, the Ad Hoc Measure reading, Specific Portion reading, Container + Contents reading, juxtaposed constructions.

1. Введение

Настоящая статья посвящена особенностям таких именных количественных конструкций, как ‘стакан молока’ и ‘стакан это-

го молока' в горномарийском языке. Эти конструкции в общем случае задают отношение между двумя компонентами: N1 (*cäškä* 'чашка', *jamdar* 'бутылка'), характеризующим значение единицы меры, и N2 (*šäšer* 'молоко', *väd* 'вода'), означающим измеряемую субстанцию или измеряемые предметы.

В случае, если N2 — подмножество единиц, отделяющееся от основного референтного определенного или неопределенного множества именем, обозначающим меру количества или объема (N1), мы имеем дело с **партитивными** конструкциями (ПК) ('чашка этого чая', 'корзина бабушкиных пирожков'). **Псевдопартитивные** конструкции (ППК) отличаются от партитивных тем, что обозначают скорее абстрактную меру некой субстанции [Rutkowski 2007], когда подмножество отделяется от нереперентного неопределенного множества ('чашка чая', 'корзина пирожков').

Конструкции, содержащие в своей структуре N1 и N2, могут заключать в себе, помимо мерного, также и контейнерное значение или же вообще нести только его. В таких случаях они не имеют ни партитивного, ни псевдопартитивного значения, а N1 определяется как контейнер, содержащий то, что обозначается с помощью N2, или контейнер, предназначенный для этого. В языках мира разным прочтениям (мерному и контейнерному) могут соответствовать разные синтаксические структуры [Kortjevskaja-Tamm 2001; Alexiadou et al. 2007; Борщёв, Парти 2011].

Данная работа имеет три задачи:

— проверить, одинаковые или различные синтаксические структуры соответствуют в горномарийском языке функциям, выделенным в [Борщёв, Парти 2011; Khrizman et al. 2015] на материале русского, венгерского, нидерландского языков и иврита (раздел 2);

— установить синтаксические отношения между N1 и N2 при мерном значении конструкций (раздел 3);

— сравнить синтаксические структуры партитивных и псевдопартитивных конструкций на основе анализа, предложенного в [Kortjevskaja-Tamm 2009] (раздел 4).

Все наблюдения, описанные в статье, основаны на данных, собранных в ходе экспедиции МГУ в с. Микряково Горномарийского р-на Республики Марий Эл летом 2017 г.

2. Соответствие горномарийских синтаксических конструкций разным семантическим отношениям между N1 и N2

2.1. Состав конструкций

В горномарийском языке имеется пять различных синтаксических конструкций, выражающих отношения между N1 и N2, которые могут быть схематически представлены следующим образом:

- N2-PROP N1 (i);
- N1 N2 (ii);
- N2 N1 (iii);
- N1-IN-ATTR N2 (iv);
- N2 *dono* ‘с’ N1 (v).

Конструкция, в которой N2 маркируется атрибутивным суффиксом (i), имеющим проприетивное значение (‘N1, имеющий N2’) в горномарийском однозначно не указывает, где именно находится N2 по отношению к N1: внутри или на поверхности, ср. (1). Однако в том случае, когда рассматриваемая конструкция передает значение ‘N1, на поверхности которого находится N2’, это обладание не может быть временным. Так, например, в (1) ведро может быть наполнено ягодами («временное обладание») или иметь соответствующий рисунок на поверхности («постоянное обладание»), но не может быть испачкано ягодами («временное обладание»).

- N2-PROP N1
- (1) *mör-än* *vedärä*
 ягода-PROP ведро
 ‘ведро, имеющее ягоды внутри’
 ‘ведро, на котором нарисованы ягоды’

Эта конструкция способна выражать широкий спектр значений. Как было выяснено, двумя из них являются ‘X, имеющий внутри Y’ и ‘X, постоянно имеющий на поверхности Y’ (1). Кроме того, данный показатель может выражать обладание некоторым нематериальным признаком:

- (2) *äš-an* *ädäräš*
 ум-PROP девочка
 ‘умная девочка’

В (3) и (4) представлены конструкции с соположением, в которых связь между N1 и N2 не маркируется (ii)–(iii):

- N1 N2
(3) *stopka šăšer*
стакан молоко
'стакан молока'

- N2 N1
(4) *šăšer stopka*
молоко стакан
'стакан для молока'

Конструкция с соположением N2 N1, в которой имя, обозначающее КВАНТ², предшествует имени, имеющему значение КОНТЕЙНЕРА (ii), используется в значении контейнера для хранения N2, например, 'стакан для молока', ср. (4)–(5).

- (5) *peledăš vaza pădârg-en*
цветок ваза биться-PRF.3SG
'Ваза для цветов разбилась'.

Схожее употребление аналогичных конструкций можно встретить в коми, удмуртском, ср. [Pleshak 2016], и водском языках. Ниже приводятся примеры из последнего:

- ВОДСКИЙ
(6а) *vesi panki*
вода ведро
'ведро для воды'

- (6б) *suppi luzikk*
суп ложка
'суповая ложка' [Маркус, Рожанский 2017: 567]

В примере (7) N1 маркируется сочетанием показателей инессива *-štə* и атрибутивизатора *-šə* (iv)³.

² При измерении субстанции под КВАНТОМ мы понимаем ее порцию, а при измерении множеств — одно из его возможных подмножеств.

³ В [Плешак 2017] высказывается предположение, что *štəšə* — единый показатель.

- N1-IN-ATTR N2
 (7) *štopka-štā-šā šäšer*
 стакан-IN-ATTR молоко
 ‘молоко, находящееся в стакане’

Конструкция с *dono* ‘с’ (v), ср. (8), употребляется реже остальных и встречается в основном в речи молодых информантов.

- N2 *dono* N1
 (8) *šäšer dono štopka*
 молоко с стакан
 ‘стакан с молоком’ (контейнер, *полностью* наполненный квантом или заполненный квантом частично)
 ‘стакан молока’ (контейнер, *полностью* наполненный квантом, согласно общепринятым представлениям о полноте наполнения данного контейнера данным квантом)

2.2. Функции конструкций, имеющих в своей структуре N1 и N2

В работе [Борщёв, Парти 2011] на материале русского языка выделяется четыре возможных подтипа конструкции генитива меры (ср. *стакан молока*), содержащей в общем случае N1 и N2: КОНТЕЙНЕР+КВАНТ, КВАНТ, «AD НОС»-МЕРА И СТАНДАРТИЗОВАННАЯ МЕРА. В горномарийском, как и во многих других языках, не имеется одной конструкции, которая бы охватывала все эти значения. Каждый подтип в этом языке выражается с помощью разных конструкций. Их мы анализируем далее.

2.2.1. КОНТЕЙНЕР+КВАНТ. Данная функция предполагает значение контейнера, выраженного N1, вместе с его содержимым N2. Этот тип также называют “dotted type” (от *dot* — ‘точка, символ умножения’) [Pustejovsky 1995].

В примере (9) говорящий имеет в виду контейнер и его содержимое как единое целое.

- РУССКИЙ
 (9) *Поставь корзину яблок на стол.*

Прочтение КОНТЕЙНЕР+КВАНТ возможно только в том случае, когда N1 — контейнер в понимании [Борщёв, Парти 2011], т. е. такое вместилище, которое имеет следующие свойства:

— физический объект с полостью;

— наполняется подходящими субстанциями (*бутылка воды*, но не **корзина воды*);

— может быть наполнен частично (*полкорзины цветов*, но не **полвазы цветов*);

— функционален (*стакан воды*, но не ?*бассейн воды*: бассейн предназначен для плавания, а не для хранения воды).

В горномарийском языке для выражения такого значения могут быть использованы две конструкции, (i) и (v). В обеих N2 (КВАНТ) предшествует N1, обозначающему КОНТЕЙНЕР.

В русском языке значение конструкции типа *стакан с молоком* схоже с функцией КОНТЕЙНЕР+КВАНТ (контейнер, наполненный квантом). Она может использоваться как с контейнерами, так и с другими вместилищами: ‘стакан с молоком’, ‘бассейн с водой’. Отличие от прочтения КОНТЕЙНЕР+КВАНТ заключается в отсутствии «парного» значения [Pustejovsky 1995], под которым понимается отсылка одновременно к контейнеру и к содержимому, полностью его заполняющему, согласно общепринятым представлениям, ср. рус. *В углу лежат три мешка яблок*. Используя же конструкцию с предлогом, мы говорим только о контейнере, и неизвестно, насколько он заполнен содержимым, полностью или нет.

Похожая конструкция существует и в горномарийском, это конструкция с послелогом *dono* ‘с’ (8). Для выражения значения КОНТЕЙНЕР, наполненный или заполненный частично квантом (*стакан с молоком*), используется также конструкция с противоположным суффиксом на N2 (i):

(10a) *pu* *mäläm* *karandaš* ***dono***
 дать я.DAT.POSS.1SG карандаш с
koropl'a-m
 коробка-ACC
 {Мне нужна коробка.} ‘Дай мне коробку с карандашами’.

(10б) *pu* *mäläm* *karandaš-an* *koropl'a-m*
 дать я.DAT.POSS.1SG карандаш-PROP коробка-ACC
 {Мне нужна коробка.} ‘Дай мне коробку с карандашами’.

(10в) *pu* *mäläm* *koropl'a*
 дать я.DAT.POSS.1SG коробка

karandaš-ə̄m

карандаш-АСС

{Мне нужны карандаши.} ‘Дай мне коробку карандашей’.

*{Мне нужна коробка.} ‘Дай мне коробку с карандашами’.

(Референтом конструкции являются карандаши, а не коробка)

- (10г) *pi mäläm koropl'a-štä-šä karandaš-ə̄m*
 дать я.DAT.POSS.1SG коробка-IN-ATTR карандаш-АСС
 {Мне нужен / нужны карандаш(и).} ‘Дай мне карандаш(и),
 находящийся / находящиеся в коробке’.
 *{Мне нужна коробка.} ‘Дай мне коробку с карандашами’.
 (Референтом конструкции является / являются карандаш(и),
 а не коробка)

Конструкции (i) и (v) в примерах (10а–б) имеют значение полностью или частично заполненного контейнера (*коробка с карандашами*). Левый контекст, приведенный в фигурных скобках и отсылающий именно к контейнеру (*коробке*), снимает потенциальную неоднозначность прочтения (контейнер или содержимое) конструкций в этих примерах. Использование же конструкций (ii) и (iv) в примерах (10в–г) грамматично, но недопустимо при заданном дополнительном контексте, т. к. их референтом являются измеряемые предметы (*karandaš* ‘карандаш(и)’), а не контейнер (*koropl'a* ‘коробка’).

Конструкции, используемые в (10а–б), также могут иметь значение КОНТЕЙНЕР+КВАНТ, при котором контейнер полностью наполнен:

- (11а) *män' olma-an cic mešäk-ə̄m*
 я яблоко-PROP полный мешок-АСС
stöl vəkä šänd-en-äm
 стол на поставить-PRF-1SG
 ‘Я положил(а) полный мешок яблок на стол’.

- (11б) *män' olma dono cic mešäk-ə̄m*
 я яблоко с полный мешок-АСС
stöl vəkä šänd-en-äm
 стол на поставить-PRF-1SG
 ‘Я положил(а) полный мешок яблок на стол’.

(11в) **mән'* *cic* *mešäk olma-m*
 я полный мешок яблоко-ACC
stöl *väkä* *šänd-en-äm*
 стол на поставить-PRF-1SG

Ожид.: 'Я положил(а) полный мешок яблок на стол'.

(11г) *mән'* *cic* *mešäk-äštä-šä* *olma-m*
 я полный мешок-IN-ATTR яблоко-ACC
stöl *väkä* *šänd-en-äm*
 стол на поставить-PRF-1SG

'Я положил(а) на стол яблоко / яблоки из полного мешка'.

*'Я положил(а) на стол полный мешок яблок'.

В примерах (11а–б) допустимость именного модификатора *cic* 'полный' указывает на «парное» значение [Pustejovsky 1995] обеих конструкций: они одновременно отсылают к контейнеру и его содержимому, ср. рус. *мешок яблок*, а не к неизвестно насколько наполненному контейнеру, ср. рус. *мешок с яблоками*. Конструкция N1 N2 в (11в) неграмматична, а конструкция N1-IN-ATTR N2 в (11г) отсылает только к содержимому контейнера.

Таким образом, в горномарийском языке функциям КОНТЕЙНЕР+КВАНТ 'стакан, полностью заполненный молоком', ср. рус. *стакан молока*, и КОНТЕЙНЕР, полностью заполненный КВАНТОМ или содержащий КВАНТ, ср. рус. *стакан с молоком*, соответствуют две синонимичные синтаксические конструкции: N2-PROP N1 и N1 *dono* N2.

2.2.2. *Вместилища, которые не могут быть контейнерами*. Как было сказано выше, не все вместилища являются контейнерами, и существуют параметры, по которым можно отличить контейнер от «неконтейнера». Те N1, которые обозначают вместилища, не являющиеся контейнерами, не могут быть использованы в конструкциях с *dono* 'с', ср. рус. **карман денег*, **сейф париков*, **бассейн воды*:

(12а) *väd-än* *bassein-äštä* *kalpak ki-ä*
 вода-PROP бассейн-IN шапка лежать-NPST.3SG
 'В бассейне с водой лежит шапка'.

- (12б) **väd* *dono* *bassein-äštä* *kalpak ki-ä*
 вода с бассейн-IN шапка лежать-NPST.3SG
 Ожид.: ‘В бассейне с водой лежит шапка’.

В русском языке «неконтейнеры» употребляются (если употребляются) только с предлогом *с*.

Результаты рассмотрения трех значений, в которых N1 является вместилищем, представлены в Таблице 1:

Таблица 1. Соответствие значений, при которых N1 — вместилище⁴, синтаксическим конструкциям

Table 1. Meanings, at which N1 denotes a container, and corresponding syntactic constructions

Конструкция	КОНТЕЙНЕР + КВАНТ (стакан молока)	КОНТЕЙНЕР, наполненный или заполненный час- тично квантом (стакан с молоком)	«неконтейнер», содержащий КВАНТ (сейф с пари- ками)
N2-PROP N1	+	+	+
N1 <i>dono</i> N2	+	+	-

Следовательно, конструкция N2-PROP N1 является предпочтительной для такого прочтения именных конструкций в горномарийском языке, в которых N1 — вместилище, а не мера для измерения сущности, выражающейся с помощью N2.

2.2.3. *Функция порции КВАНТ*. Согласно [Борщёв, Парти 2011], значением функции КВАНТ является порция субстанции, заполняющая конкретные контейнеры (ср. рус. *Выпей этот стакан воды*). В горномарийском языке такое прочтение имеют конструкция с соположением N1 N2 (ii) (13) и конструкция, в которой N1 маркируется сочетанием показателей инессива *-štä* и атрибутивизатора *-šä* (iv) (14):

- (13) *vas'a* *kok* *kastr'ul'a* *lem-äm*
 Вася два кастрюля суп-ACC
šolt-en *kogo-žä*
 сварить-PRF.3SG большой-POSS.3SG

⁴ Под вместилищем понимаются как контейнеры, так и «неконтейнеры».

äškä-län-em *izi-žä* *äzä-žä-län*
 REFL-DAT-POSS.1SG маленький-POSS.3SG брат-POSS.3SG-DAT
 ‘Вася сварил две кастрюли супа, большую для себя и маленькую для брата’.

- (14) *tädä* *stopka-štâ-šâ* *šäšer-äm*
 этот стакан-IN-ATTR молоко-ACC
jü-n *kolt-en*
 пить-CVB послать-PRF.3SG
 ‘Он выпил молоко, находящееся в стакане’.

2.2.4. Функция «AD НОС»-МЕРА. Данная функция несет значение количества субстанции, отмеряемого некоторым «окациональным» контейнером, ср. рус. *два с половиной ведра яблок, три бака бензина*. В горномарийском языке значению «AD НОС»-МЕРА соответствует конструкция с соположением N1 N2 (ii):

- (15a) *tädä* *ik* *stopka* *dä* *pelä*
 этот один стакан и половина
šäšer-äm *jü-n* *kolt-en*
 молоко-ACC пить-CVB послать-PRF.3SG
 ‘Он выпил полтора стакана молока’.

- (15б) **tädä* *ik* *stopka-štâ-šâ* *dä*
 этот один стакан-IN-ATTR и
pelä *šäšer-äm* *jü-n* *kolt-en*
 половина молоко-ACC пить-CVB послать-PRF.3SG
 Ожид.: ‘Он выпил полтора стакана молока’.

- (15в) **tädä* *šäšer* *dono* *ik* *stopka-m*
 этот молоко с один стакан-ACC
dä *pelä* *jü-n* *kolt-en*
 и половина пить-CVB послать-PRF.3SG
 Ожид.: ‘Он выпил полтора стакана молока’.

- (15г) **tädä* *šäšer-an* *ik* *stopka-m*
 этот молоко-PROP один стакан-ACC
dä *pelä* *jü-n* *kolt-en*
 и половина пить-CVB послать-PRF.3SG
 Ожид.: ‘Он выпил полтора стакана молока’.

2.2.5. *Функция СТАНДАРТИЗОВАННАЯ МЕРА*. Рассматриваемая функция имеет значение количества субстанции, определяемого стандартным размером контейнера, используемого для измерений [Борщёв, Парти 2011]. В отличие от предыдущего значения, в этой функции N1 обозначает контейнер не любого случайного размера, а *стандартного, общепринятого*. Типичными контекстами использования рассматриваемой функции являются кулинарные рецепты (ср. рус. *Насыпь ложку соды*).

В горномарийском языке только конструкция с соположением (ii) может передавать значение СТАНДАРТИЗОВАННАЯ МЕРА:

(16а) *opta kəm stopka lašaš-əm*
 класть.IMP.2SG три стакан мука-ACC
 ‘Положи три стакана муки’.

(16б) **opta kəm stopka-štā-šā lašaš-əm*
 класть.IMP.2SG три стакан-IN-ATTR мука-ACC
 Ожид.: ‘Положи три стакана муки’.

(16в) **opta lašaš-an kəm stopka-m*
 класть.IMP.2SG мука-PROP три стакан-ACC
 Ожид.: ‘Положи три стакана муки’.

(16г) **opta lašaš dono kəm stopka-m*
 класть.IMP.2SG мука с три стакан-ACC
 Ожид.: ‘Положи три стакана муки’.

Обобщим полученные данные. Соответствия прочтений синтаксическим конструкциям, содержащим N1 и N2, в горномарийском языке приведены в Таблице 2.

Таблица 2. Соответствие функций конструкций, содержащих N1 и N2, синтаксическим структурам в горномарийском языке

Table 2. Constructions, containing N1 and N2: functions and corresponding syntactic constructions in Hill Mari

Значение	N2-PROP N1	N2 <i>dono</i> N1	N1 N2	N1-IN-ATTR N2
КОНТЕЙНЕР + КВАНТ	+	+	-	-

КОНТЕЙНЕР (неполный)	+	+	-	-
ВМЕСТИЛИЩЕ (не контейнер) + КВАНТ	+	-	-	-
КВАНТ	-	-	+	+
«AD НОС»-МЕРА	-	-	+	-
СТАНДАРТИЗОВАННАЯ МЕРА	-	-	+	-

Исходя из этих данных, далее мы будем рассматривать функции КВАНТ, «AD НОС»-МЕРА и СТАНДАРТИЗОВАННАЯ МЕРА как мерные, а первые три представленные в Таблице 2 как контейнерные.

Несмотря на то, что мы объединили в одну группу значения КВАНТ, «AD НОС»-МЕРА и СТАНДАРТИЗОВАННАЯ МЕРА, рассматривать их как одно все же не стоит. Так, в работе [Partee, Borschev 2012], а затем и в [Khrizman et al. 2015] отмечается отдельное значение порции (КВАНТ), особенности которого иллюстрируются в последней статье на материале нескольких языков, в т. ч. русского:

РУССКИЙ

- (17) [#]*Иван сидит на диване и пьет два с половиной литра водки.*
 (18) [?]*Иван сидит на диване и пьет стакан чая.* [Khrizman et al. 2015: 204]

В (17)–(18) инкрементальность темы и имперфективность затрудняют мерное прочтение конструкции. Пример (17) прагматически аномален, т. к. данный контекст требует интерпретации КВАНТ, тогда как дробное выражение и использование существительного *литр* навязывают интерпретацию СТАНДАРТИЗОВАННАЯ МЕРА [Partee, Borschev 2012]. Выражение *стакан чая*, напротив, допускает интерпретацию КВАНТ, что делает сравнительно приемлемым пример (18).

Проанализируем аналогичным образом данные горномарийского языка. Примеры (19)–(21) демонстрируют поведение конструкций N1 N2 (ii) с дробным выражением, N1-IN-ATTR N2 (iv) и N1 N2 (ii) без дробного выражения соответственно, в имперфективном контексте с инкрементальной темой:

- (19) [#]*pet'a* *koktâ* *dä* *pele* *stopka*
 Петя два и половина стакан

- šäšer-äm* *käzät jü-eš*
 молоко-ACC сейчас пить-NPST.3SG
 ‘Петя сейчас пьет два с половиной стакана молока’.
- (20) [?]*pet’a* *stopka-štâ-šâ* *šäšer-äm*
 Петя стакан-IN-ATTR молоко-ACC
käzät jü-eš
 сейчас пить-NPST.3SG
 ‘Петя сейчас пьет молоко в стакане’.
- (21) [?]*pet’a* *cäškä čäj-äm* *käzät jü-eš*
 Петя чашка чай-ACC сейчас пить-NPST.3SG
 ‘Петя сейчас пьет чашку чая’.

Предложение (19) является прагматически странным по той же причине, что и (17). Инкрементальность темы и имперфективность не допускают мерного прочтения. Конструкции, имеющие интерпретацию КВАНТ (20)–(21), более допустимы в данном контексте.

3. Синтаксические отношения N1 и N2

Перед тем как перейти к анализу отношений двух компонентов рассматриваемой структуры, стоит отметить, что для аргументации мы будем использовать высказанную в [Grimshaw 1991] гипотезу о «расширенной проекции» функциональных вершин, которые не меняют категориального статуса лексических вершин, надстраиваясь над ними.

Так, в работе [Симоненко, Леонтьев 2012] о структуре именного комплекса в шести близкородственных финно-угорских идиомах высказывается предположение, что DP является расширенной проекцией PossP, PossP — расширенной проекцией NumP, а NumP, в свою очередь, расширенной проекцией NP.

В нашей работе, помимо указанных выше проекций, мы также будем использовать кванторную проекцию QP, упоминающуюся в большом количестве работ, и менее известную проекцию MeasP, которая обсуждалась, например, в диссертации [Yadroff 1999], посвященной анализу гипотезы о существовании большого количества функциональных проекций в именных и предложных группах русского языка. MeasP выделяется в этой работе для классификаторов, ср. рус. *штука*. Данная проекция

также упоминается в статье [Rotstein 2012] о структуре различных именных количественных конструкций, для мерных классификаторов, таких как, например, *three glasses* ‘три стакана’.

В следующих подразделах мы подробнее рассмотрим синтаксическую структуру ППК мерной интерпретации в горномарийском языке и проверим, насколько применимы для нее некоторые существующие теории описания ППК.

Стоит также отметить, что в горномарийском языке существует противопоставление косвенных и прямых падежей. Они демонстрируют некоторые различные морфосинтаксические свойства. Например, прямые падежи следуют за показателями числа и определенности, косвенные же с показателями определенности не сочетаются, а показателям посессивности предшествуют; при посессоре в ед. ч. у ИГ в косвенных падежах противопоставление по числу обладаемого отсутствует, в прямых же оно сохраняется, подробнее об этих и других различиях см. в [Плешак 2017]. Однако в составе ППК не наблюдается различий в поведении ИГ в прямых и косвенных падежах, поэтому ниже различие между конструкциями с различным маркированием вершины не проводится.

3.1. Анализ структуры конструкции с соположением N1 N2, имеющей мерную интерпретацию, на базе существующих подходов

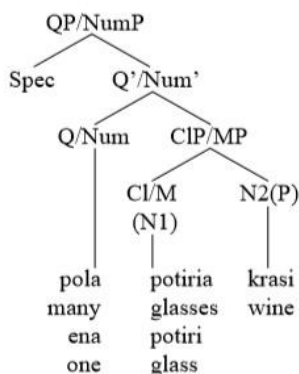
В данном разделе будут рассмотрены два анализа выражения связи между N1 и N2 в ППК, предложенные в работе [Alexiadou et al. 2007]: анализ одной проекции (Monoprojectional approach) и предикативный анализ (Predicational approach). Проанализируем отдельно каждый подход применительно к данным горномарийского языка.

3.1.1. Анализ одной проекции. Согласно анализу одной проекции, ППК — проекция, где N1 — полуфункциональная, а N2 — лексическая вершины. Понятие полуфункциональной вершины первый раз вводится в [Riemsdijk 1998], где предполагается, что эта единица ведет себя как функциональная, но в то же время обладает лексическим содержанием, т. е. может иметь, например, такие зависимые, как кванторы или числительные.

В рамках данного подхода ППК рассматриваются как одна проекция, которая семантически отсылает только к одному компоненту, несмотря на то, что содержит два имени:

Рис. 1. Структура анализа одной проекции [Alexiadou et al. 2007: 416]

Fig. 1. Structure under monoprojectional approach [Alexiadou et al. 2007: 416]

В горномарийском языке при мерном прочтении значением конструкции действительно является субстанция, взятая в определенном количестве:

- (22) *tädä počti stopka väd-äm jü-n*
 этот почти стакан вода-ACC пить-CVB
kolt-en
 послать-PRF.3SG
 ‘Он выпил почти стакан воды’.

А. Алексиаду отмечает, что одним из условий для того, чтобы считать ППК одной проекцией, является поведение N1, схожее с поведением других приименных модификаторов. Например, для греческого языка показывается, что N1 и N2, а также кванторное слово маркируются одним и тем же падежом, который приписывается им глагольной вершиной:

- ГРЕЧЕСКИЙ
 (23) *aghora-s-e ena matsak-i*
 купить-PST-3SG один веточка-SG.ACC
maidan-o
 петрушка-SG.ACC
 ‘Он(а) купил(а) одну веточку петрушки’.

- (24) *t-is* *prosfе-r-e* *pol-us*
она-DAT предложить-PST-3SG много-PL.ACC
iakinth-us
гиацинт-PL.ACC
‘Ей предложили много гиацинтов’. [Alexiadou et al. 2007: 411]

В изучаемых говорах горномарийского языка ни N1, ни кванторное слово не могут нести на себе падежный показатель и употребляются в атрибутивной позиции в немаркированной форме:

- (25) *tel-äm* *mä* *kečän'=ok* *jamdar*
зима-ACC мы каждый.день=EMPH бутылка
šäšer-äm *jü-än-nä*
молоко-ACC пить-PRF-1PL
‘Зимой мы каждый день пили бутылку молока’.
- (26) *tel-äm* *mä* *kečän'=ok* *šukâ*
зима-ACC мы каждый.день=EMPH много
šäšer-äm *jü-än-nä*
молоко-ACC пить-PRF-1PL
‘Зимой мы каждый день пили много молока’.

В [Alexiadou et al. 2007] и [Vos 1999: Chapter 4] обсуждается синтаксическая дистрибуция кванторных слов и N1 для греческого и голландского языков. Отмечается общая способность этих единиц употребляться в качестве ответа на вопрос о количестве взятой субстанции. Данные горномарийского языка, как мы можем видеть из примера (27), удовлетворяют этому условию. Стоит также отметить, что в случае отсутствия N2 (27B), в отличие от того, что мы наблюдаем в (26), N1 и кванторное слово получают падежное маркирование:

- (27) A:
man'ar *šäšer-äm* *tän'* *tengečä* *jü-än-ät*
сколько молоко-ACC ты вчера пить-PRF-2SG
‘Сколько молока ты вчера выпил?’
- B:
šuk-äm / *stakan-äm*
много-ACC стакан-ACC
‘Много / стакан’.

Анализ одной проекции подразумевает, что ни N1, ни N2 не являются вершинами собственных именных проекций. Они не могут быть модифицированы ни указательными местоимениями, ни кванторными словами, ни относительными клаузами. Однако предполагается, что N2, будучи лексической вершиной, может иметь зависимые прилагательные, хоть и, вероятнее всего, классифицирующие, которые, согласно иерархии [Scott 2002: 102], проверенной в [Pereltsvaig 2007] на материале артиклевом (английского) и безартиклевом (русского) языков, располагаются в синтаксической структуре ниже, чем прилагательные оценки. При этом утверждается, что даже если перед N1 стоят имена прилагательные, они относятся к N2 или же оформляют [N1+N2], но не N1:

- ГОЛЛАНДСКИЙ
 (28) *een heerlijk glas wiin*
 один вкусный стакан вино
 ‘один стакан вкусного вина’
 *‘один вкусный стакан вина’ [Alexiadou et al. 2007: 420]

В горномарийском языке N1 и N2 действительно не могут быть модифицированы указательными местоимениями при мерном, нереперентном прочтении ППК:

- (29) #*tel-äm mä kečän '=ok stopka*
 зима-ACC мы каждый.день=EMPH стакан
ti šäšer-äm jü-än-nä
 этот молоко-ACC пить-PRF-1PL
 ‘Зимой мы каждый день пили стакан этого молока’.
- (30) #*ti kok stopka šäšer-äm vis-en-ät dä*
 этот два стакан молоко-ACC мерить-PRF-2SG и
tän'-än grečkä=t polučajal-de keleş
 ты-GEN гречка=ADD получаться-NEG.PRF[3SG] надо
älân škaf-âštâ-šâ stopka šäser-äm vis-aš
 RETR1 шкаф-IN-ATTR стакан молоко-ACC мерить-INF
 ‘Ты отмерил эти два стакана молока, и у тебя не получилось сварить гречку, надо было отмерить молоко стаканом, который стоит в шкафу’.

В примере (30) *ti kok stopka šäšeräm* ‘эти два стакана молока’ имеет прочтение порции, т. е. это не субстанция, отмеренная

два раза одним и тем же «оказиональным» контейнером, а две порции, наполняющие два определенных, возможно, разных по объему, стакана. Эта интерпретация делает данный пример прагматически странным.

В качестве зависимых N2 может иметь разные типы прилагательных, как классифицирующие, так и оценочные (32), что противоречит анализу одной проекции. Из-за мерной интерпретации ППК N1 может иметь в качестве зависимых только прилагательные размера, ср. (31).

(31) *izi* / **cever* *čäškä* *čäj-de*
 маленький красивый чашка чай-CAR
t'et'a-vlä *čäčkädän* *amal-en* *a-k* *kerd-ep*
 ребёнок-PL часто спать-CVB NEG.NPST-3 мочь-PL
 'Дети часто не могут заснуть, не выпив маленькую /
 красивую чашку чая'.

(32) *tel-äm* *mä* *kečän'=ok* *stopka*
 зима-ACC мы каждый.день=EMPH стакан
totlâ / *jongata* / *âškal* *šäšer-äm* *jü-än-nä*
 вкусный свежий коровий молоко-ACC пить-PRF-1PL
 'Зимой мы каждый день пили стакан вкусного / свежего /
 коровьего молока'.

Важным условием анализа одной проекции ППК также является то, что изначально одну проекцию (CIP / MP) составляют именно N1 с N2, ср. Рис. 1, а не числительное с N1. В следующем подразделе мы проверим истинность этого факта для данных горномарийского языка.

3.1.2. Структура составляющих в псевдопартитивных конструкциях с числительным. А. Алексиаду в своей работе приводит несколько аргументов в пользу того, что ППК можно анализировать как одну проекцию, содержащую N1 и N2.

Во-первых, в качестве одного из доказательств она ссылается на доклад [Löbel 1999], в котором отмечается реляционность N1 меры (в терминах Е. Лёбел N[+Q]) вместе с ограничениями на выбор N2: его употребление является прагматически странным без эксплицитного или имплицитного упоминания N2, которое должно обозначать квантуемую сущность, ср. (33)–(34).

(33) A: *What did John buy?*
‘Что купил Джон?’

B: # *John bought a bunch* (cf. *John bought a bunch of flowers.*)
‘Джон купил букет’. (Джон купил букет цветов)

(34) A: *Do you like flowers?*
‘Тебе нравятся цветы?’

B: *I buy three bunches every week.*
‘Я покупаю три букета каждую неделю’. [Alexiadou et al. 2007: 406]

Это верно и для данных горномарийского языка, ср. (35)–(36). Однако в этих примерах также можно видеть, что не только N1, но и сочетание «числительное + N1» нуждается в эксплицитном / имплицитном упоминании измеряемой сущности. Таким образом, реляционность N1 нельзя считать полноценным аргументом в пользу того, что N1 с N2 образуют одну проекцию прежде, чем числительное с N1 образуют сложный квантор.

(35a) *ma tä kängäž-äm každâj irok jü-än-dä*
что вы лето-ACC каждый утро пить-PRF-2PL
‘Что вы каждое утро летом пили?’

(35b) # *kängäž-äm mä každâj irok (kok)*
лето-ACC мы каждый утро (два)
stopka jü-än-nä
стакан пить-PRF-1PL
‘Летом каждое утро мы выпивали два стакана / стакан’.

(36a) *man'ar šäšer-äm tä kängäž-äm*
сколько молоко-ACC вы лето-ACC
každâj irok jü-än-dä
каждый утро пить-PRF-2PL
‘Сколько молока вы пили летом каждое утро?’

(36b) *kängäž-äm mä každâj irok (kok)*
лето-ACC мы каждый утро (два)
stopka jü-än-nä
стакан пить-PRF-1PL
‘Летом каждое утро мы выпивали два стакана / стакан’.

Во-вторых, в пользу того, что изначально именно N1 с N2 формируют одну проекцию, А. Алексиаду в своей работе приводит также семантический аргумент: несмотря на то, что в общем случае ППК содержат два имени, при мерном прочтении они отсылают только к измеряемой сущности. Выше мы удостоверились в истинности данного суждения и для горномарийского языка, ср. (22). Однако это не кажется нам вполне убедительным для того, чтобы утверждать, что именно N1 с N2 изначально образуют одну проекцию. Ведь конструкция «числительное + N1 + N2» также отсылает к отмеряемой сущности, ср. разделы 2.2.3–2.2.5.

Во-третьих, в работе А. Алексиаду утверждается, что N1, будучи полуфункциональной вершиной проекции N2, за редким исключением, не может быть модифицирован именами прилагательными. Как было показано в разделе 3.1.1, это неверно для горномарийских ППК: здесь N1 может подвергаться модификации прилагательными размера.

Итак, выше мы рассмотрели три аргумента, предложенных А. Алексиаду в пользу того, что изначально именно N1 с N2 формируют одну проекцию. Истинность двух из них мы доказали и для горномарийских ППК. Однако мы также показали, что эти утверждения верны и в том случае, когда в структуре присутствует числительное. Таким образом, нет оснований полагать, что анализ одной проекции N1 N2 подходит для горномарийских ППК.

Мы же предполагаем, что горномарийские ППК устроены так, что внутри конструкции количественное числительное и единица измерения N1 образуют сложный квантор. В качестве доказательства далее мы рассматриваем один из критериев выделения фразовых категорий, предложенных в [Тестелец 2001], а именно допустимость топиализации.

Под топиализацией понимается вынос составляющих в начало предложения. Следующие примеры показывают, что топиализации может подвергаться сочетание числительного с N1, но не N1 с N2:

- (37) *kok stopka kängäž-əm mä každâj*
 два стакан лето-АСС мы каждый

<i>irok</i>	<i>tarâk-âm</i>	<i>jü-än-nä</i>	
утро	простокваша-ACC	пить-PRF-1PL	
Букв.: ‘Два стакана летом мы каждое утро простокваши пили’.			
- (38) **stopka tarâk-âm* *kängäž-äm* *mä*
стакан	простокваша-ACC	лето-ACC	мы
<i>každâj irok kok</i>	/ <i>koktâ-(m)</i> ⁵		
каждый	утро	два	два-(ACC)
- jü-än-nä*
пить-PRF-1PL
Ожид.: ‘Стакана простокваши летом мы каждое утро два пили’.

А. Алексиаду в своей работе также упоминает топиализацию, но не в качестве критерия выделения составляющих, а для наглядного подтверждения того, что числительное с N1 ведет себя сходным образом с простым кванторным словом. В [Alexiadou et al. 2007: 412] утверждается, что топиализации может подвергаться часть именной проекции, а именно N2, ср. греч.:

- ГРЕЧЕСКИЙ
- (39a) *vivlia aghora-s-e* [*pola* _] *fetos*
книги купить-PST-3SG много этот.год
‘В этом году он(а) купил(а) много книг’.
- (39б) *vivlia aghora-s-e* [*mia kuta* _]
книги купить-PST-3SG один коробка
fetos
этот.год
‘Он(а) купил(а) одну коробку книг в этом году’. [Alexiadou et al. 2007: 412]

Причины разрыва конструкции, а также того, что N2 не формирует отдельную составляющую N2P, которая подвергалась бы топиализации, а отделяется в качестве части составляющей, не обсуждаются.

⁵ Числительные ‘один’ — ‘девять’ в горномарийском языке имеют краткую и полную формы. К последней могут присоединяться формоизменяемые аффиксы, ср. [Саваткова 2002]. Формы *koktâ* и *kok* являются полной и краткой формой числительного ‘два’ соответственно.

В нашей работе мы не оспариваем тот факт, что сочетание «числительное + N1» ведет себя схоже с кванторными словами. Напротив, мы считаем, что именно оно изначально формирует составляющую, выражающую значение меры сущности N2.

Обсудив выше непригодность анализа одной проекции N1 N2 для горномарийских ППК, мы пока оставили без внимания вопрос о синтаксической позиции числительного в рассматриваемой конструкции. Согласно [Danon 2012], существует два возможных варианта расположения числительного в количественных конструкциях: числительное может быть вершиной собственной проекции или же составляющей, занимающей позицию спецификатора. Г. Данон утверждает, что двумя решающими факторами в вопросе о позиции числительного являются маркирование компонентов ИГ падежом и числом.

Случай, когда числительное занимает позицию спецификатора, возможен только при условии того, что числительное не несет свой собственный морфологический показатель числа. В горномарийских ППК как числительное, так и N1 с N2 не маркируются показателем множественного числа (подробнее см. в разделе 3.1.4).

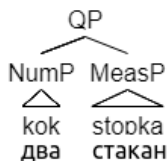
Критерий падежа заключается в том, что числительное является вершиной собственной проекции тогда и только тогда, когда внутри DP числительное или препозитивная единица типа английского *of* приписывает внутренний падеж именной группе. В горномарийском языке падеж приписывается конструкции извне и выражается на N2 (подробнее см. в разделе 3.1.4).

Таким образом, можно утверждать, что в горномарийских ППК числительное формирует собственную группу и занимает позицию спецификатора одной из функциональных проекций ИГ. Осталось лишь выяснить, какой именно.

В [Yadroff 1999; Partee, Borschev 2012; Rothstein 2012] и в ряде других работ, в которых предлагается структурный анализ именных групп, выделяется специальная функциональная проекция MeasP для классификаторов. Мы предполагаем, что она встраивается в QP, в **спецификаторе** которой находится проекция числительного:

Рис. 2. Структура QP в псевдопартитивных конструкциях с числительным

Fig. 2. Structure of QP in pseudopartitive constructions with numerals

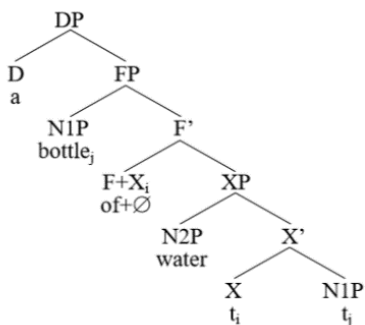
3.1.3. *Предикативный анализ.* Предикативный анализ ППК в первую очередь предполагает возможность предикативных отношений между N1 и N2 [Alexiadou et al. 2007]. Горномарийские ППК, как мы видим из следующего примера, обладают таким свойством. Отношения между N1 и N2 могут быть предикативными, так же как между простым квантором и N2:

- (40) *šăšer mäm-nä-n jamdar / šukâ*
 молоко мы-POSS.1PL-GEN бутылка много
 ‘Молока у нас бутылка / много’.

Изначально анализ, предусматривающий предикативное передвижение, был предложен в [Dikken 1995] для N-of-N конструкций, таких как *an idiot of doctor*, впоследствии он был расширен до ППК *a bottle of water* в работе [Corver 1998]. Предполагается, что *of* — это копия связки *be*, которая проявляется в финитных клаузах *that doctor is an idiot* и *water is in the quantity of a bottle* (см. Рис. 3).

Рис. 3. Предикативный анализ для ППК [Alexiadou et al. 2007: 451]

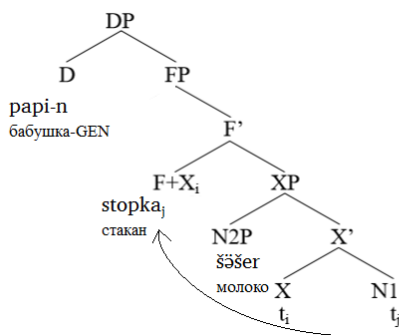
Fig. 3. Predicational analysis for pseudopartitive constructions [Alexiadou et al. 2007: 451]

В отношении языков, где ППК выражается конструкцией с соположением, Н. Корвер говорит о передвижении вершины, а не группы, т. к. иначе нельзя объяснить отсутствие такой связки как *of* в английском. Предполагается, что N1 передвигается в вершину функциональной проекции FP [F+X], и после ее озвучивания не требуется вставка связки. Для ППК в горномарийском языке синтаксическая структура, согласно данному анализу, выглядела бы так:

Рис. 4. Структура горномарийских ППК в рамках предикативного анализа

Fig. 4. Structure of Hill Mari pseudopartitive constructions under Predicational analysis

Тогда вершиной данной конструкции должно являться N1. Истинность этого предположения мы обсудим в следующем разделе.

3.1.4. *Вершина конструкции.* В уральских языках вершиной ППК с соположением и правда нередко является N1:

ФИНСКИЙ

- (41) *sit se osti iso-n*
 потом он(а) купил.3SG большой.GEN.SG
kasa-n ni-itä ilmapallo-ja
 охалпка-GEN.SG этот-PRTV.PL шар-PRTV.PL
 ‘Потом он купил большую охалпку этих шаров’. [Kortjevskaja-Tamm 2001: 531]

ЭСТОНСКИЙ

- (42) *kott kartule-id hakka-s*
 мешок картошка-PRTV.PL начать-PRET.3SG

ots-a *saa-ma*
 конец-GEN.SG получить-MINF
 ‘Мешок картошки заканчивается’. [Ibid.: 539]

Однако в территориально смежных с горномарийским языках Поволжья, как неродственных, так и генетически близких ему, вершиной ППК с соположением, наоборот, выступает N2:

БАШКИРСКИЙ
 (43) *min* *ber* *stakan piva-nə* *es-ä-m*
 я один стакан пиво-ACC пить-PRS-1SG
ä *qal-yan-ə* *hiñä*
 а остаться-PC.PST-P.3 ты.DAT
 {У нас есть бутылка пива.} ‘Я выпью стакан этого пива, а остальное — тебе’. [Сай 2014: 114]

ЧУВАШСКИЙ
 (44) *иккĕ* *кашакĕ* *курак-а* *нĕрре*
 два ложка трава-DAT один
стакан шыв-а *йа-малла*
 стакан вода-ACC послать-DEB
 ‘К двум ложкам травы нужно добавить один стакан воды’.
 (Двуязычный корпус чувашского языка <http://corpus.chv.su/>)

УДМУРТСКИЙ
 (45) *одйг* *стакан* *ву-э* *жсыны* *чечы*
 один стакан вода-ILL половина мед
пуньы сода суралт-оно юо-но
 ложка сода добавить-PTCP пить-PTCP
 ‘К одному стакану воды добавляется пол-ложки меда и соды’. (Корпус удмуртского языка <http://web-corpora.net/UdmurtCorpus/>)

Применяя ряд тестов, предложенных в [Тестелец 2001], мы покажем, что в горномарийском языке в связи с контактным влиянием именно N2 является вершиной ППК.

1) Критерий эндоцентричности: вершиной является тот член составляющей, который характеризуется теми же признаками, что и вся составляющая. N2 *šäšer* ‘молоко’, в отличие от N1 *stopka* ‘стакан’, может употребляться в тех же контекстах, что и *stopka šäšer* ‘стакан молока’:

(46) *tel-əm* *mä* *kečän* '=ok **ššer-əm**
 зима-ACC мы каждый.день=EMPH молоко-ACC
jü-ən-nä
 пить-PRF-1PL
 'Зимой каждый день мы пили молоко'.

(47) *tel-əm* *mä* *kečän*=ok
 зима-ACC мы каждый.день=EMPH
stopka **ššer-əm** *jü-ən-nä*
 стакан молоко-ACC пить-PRF-1PL
 'Зимой каждый день мы пили стакан молока'.

(48) **tel-əm* *mä* *kečän* '=ok *stopka-m*
 зима-ACC мы каждый.день=EMPH стакан-ACC
jü-ən-nä
 пить-PRF-1PL
 Ожид.: 'Зимой каждый день мы пили стакан'.

2) Морфосинтаксический локус: вершиной является тот элемент составляющей, который морфологически отражает связь составляющей с внешним контекстом.

Как показывают примеры (49)–(50), показатель грамматических и семантических падежей в рассматриваемой конструкции несет второй компонент.

(49a) *kängəž-əm* *mä* *sola-štê* *každâj* *kečän*
 лето-ACC мы деревня-IN каждый день
kok *stopka tarâk-əm* *jü-ən-nä*
 два стакан простокваша-ACC пить-PRF-1PL
 'Летом в деревне каждый день мы выпивали два стакана простокваши'.

(49б) **kängəž-əm* *mä* *sola-štê* *každâj* *kečän*
 лето-ACC мы деревня-IN каждый день
kok *stopk-əm* *tarâk* *jü-ən-nä*
 два стакан-ACC простокваша пить-PRF-1PL
 Ожид.: 'Летом в деревне каждый день мы выпивали два стакана простокваши'.

(50a) *kok* *stopka tarâk-de* *t'et'ä-vlä*
 два стакан простокваша-CAR ребенок-PL

	<i>čäčkädän amal-en</i>	<i>a-k</i>	<i>kerd-ep</i>
	часто спать-CVB	NEG.NPST-3	мочь-PL
	‘Дети часто не могут заснуть, не выпив два стакана просто-кваша’.		
(50б)	<i>*kok stopka-de</i>	<i>tarâk</i>	<i>t'et'ä-vlä</i>
	два стакан-CAR	простокваша	ребенок-PL
	<i>čäčkädän amal-en</i>	<i>a-k</i>	<i>kerd-ep</i>
	часто спать-CVB	NEG.NPST-3	мочь-PL
	Ожид.: ‘Дети часто не могут заснуть, не выпив два стакана простокваша’.		

Как отмечено в [Плешак 2017], маркер множественного числа в рассматриваемой конструкции не присоединяется ни к первому, ни ко второму компоненту как при наличии, так и при отсутствии числительного. Конструкция с немаркированным единственным числом N1 и N2 может иметь как единичное, так и множественное прочтения: *stopka tarâk* ‘стакан простокваша’ и ‘стаканы простокваша’:

(51a)	<i>*kängäž-äm</i>	<i>mä</i>	<i>sola-štâ</i>	<i>každâj</i>	
	лето-ACC	мы	деревня-IN	каждый	
	<i>kečän'</i>	<i>stopka-vlä</i>	<i>tarâk-vlä-äm</i>	<i>jü-än-nä</i>	
	день	стакан-PL	простокваша-PL-ACC	пить-PRF-1PL	
	Ожид.: ‘Летом в деревне мы каждый день пили стаканы простокваша’.				
(51б)	<i>*kängäž-äm</i>	<i>mä</i>	<i>sola-štâ</i>	<i>každâj</i>	<i>kečän'</i>
	лето-ACC	мы	деревня-IN	каждый	день
	<i>stopka-vlä</i>	<i>tarâk-äm</i>		<i>jü-än-nä</i>	
	стакан-PL	простокваша-ACC		пить-PRF-1PL	
	Ожид.: ‘Летом в деревне мы каждый день пили стаканы простокваша’.				
(51в)	<i>*kängäž-äm</i>	<i>mä</i>	<i>sola-štâ</i>	<i>každâj</i>	<i>kečän'</i>
	лето-ACC	мы	деревня-IN	каждый	день
	<i>stopka</i>	<i>tarâk-vlä-äm</i>		<i>jü-än-nä</i>	
	стакан	простокваша-PL-ACC		пить-PRF-1PL	
	Ожид.: ‘Летом в деревне мы каждый день пили стаканы простокваша’.				

- (51г) *kängäž-äm* *mä* *sola-štâ* *každâj* *kečän'*
 лето-ACC мы деревня-IN каждый день
stopka tarâk-âm *jü-än-nä*
 стакан простокваша-ACC пить-PRF-1PL
 'Летом в деревне мы каждый день пили стакан(ы) простокваши'.
- (52a) **kängäž-äm* *mä* *sola-štâ* *každâj*
 лето-ACC мы деревня-IN каждый
kečän' kâm *stopka-vlä*
 день три стакан-PL
tarâk-vlä-âm *jü-än-nä*
 простокваша-PL-ACC пить-PRF-1PL
 Ожид.: 'Летом в деревне мы каждый день пили три стакана простокваши'.
- (52б) **kängäž-äm* *mä* *sola-štâ* *každâj*
 лето-ACC мы деревня-IN каждый
kečän' kâm *stopka-vlä*
 день три стакан-PL
tarâk-âm *jü-än-nä*
 простокваша-ACC пить-PRF-1PL
 Ожид.: 'Летом в деревне мы каждый день пили три стакана простокваши'.
- (52в) **kängäž-äm* *mä* *sola-štâ* *každâj*
 лето-ACC мы деревня-IN каждый
kečän' kâm *stopka tarâk-vlä-âm* *jü-än-nä*
 день три стакан простокваша-PL-ACC пить-PRF-1PL
 Ожид.: 'Летом в деревне мы каждый день пили три стакана простокваши'.
- (52г) *kängäž-äm* *mä* *sola-štâ* *každâj*
 лето-ACC мы деревня-IN каждый
kečän' kâm *stopka tarâk-âm* *jü-än-nä*
 день три стакан простокваша-ACC пить-PRF-1PL
 'Летом в деревне мы каждый день пили три стакана простокваши'.

Маркер посессивности⁶, выражающий согласование вершины с посессором по лицу и числу, невозможен на N1, к какому бы компоненту ППК он семантически ни относился, ср. (53а), и является факультативным на N2, как и во всех посессивных конструкциях, за исключением выражающих социальные и родственные отношения, ср. (53б):

(53а) * <i>grečkā totlā</i>		<i>li-žā</i>		<i>manān</i>
гречка	вкусный	являться-IMP.3SG		чтобы
<i>papī-n</i>	<i>kok</i>	<i>stopka-žā</i>		<i>šäšer-äm</i>
бабушка-GEN	два	стакан-POSS.3SG		молоко-ACC
<i>optal-aš</i>	<i>keleš</i>			
вливать-INF	надо			

Ожид.: ‘Чтобы гречка была вкусной, нужно налить два бабушкиных стакана молока’. / ‘Чтобы гречка была вкусной, нужно налить два стакана бабушкиного молока’.

(53б) <i>grečkā totlā</i>		<i>li-žā</i>		<i>manān</i>
гречка	вкусный	являться-IMP.3SG		чтобы
<i>papī-n</i>	<i>kok</i>	<i>stopka šäšer-(ž)-äm</i>		
бабушка-GEN	два	стакан молоко-(POSS.3SG)-ACC		
<i>optal-aš</i>	<i>keleš</i>			
вливать-INF	надо			

‘Чтобы гречка была вкусной, нужно налить два бабушкиных стакана молока’.

*‘Чтобы гречка была вкусной, нужно налить два стакана бабушкиного молока’.

В примере (53б) *papīn kok stopka šäšer(ž)äm* (‘два бабушкиных стакана молока’) — определенное количество молока, отмеряемое заданной мерой *papīn kok stopka* (‘два бабушкиных стакана’). Согласование, вызванное генитивным зависимым и относящееся к N1 семантически, выражается на вершине конструкции — N2. Само N2 не может быть модифицировано генитивными зависимыми вне зависимости от их позиции (левее числительного (53б) или непосредственно перед N2, ср. (54)).

⁶ В данной работе мы рассматриваем только его притяжательную функцию, но не дискурсивную.

Пример (54) является прагматически странным для носителей горномарийского языка, т. к. *papin šəšer* ('бабушкино молоко') воспринимается как «молоко, производимое бабушкой»:

- (54) *#kagâl'* *totlâ* *li-žə* *manân*
 пирог вкусный являться-IMP.3SG чтобы
kok stopka papi-n šəšer-əškə-žə
 два стакан бабушка-GEN молоко-ILL-POSS.3SG
ik mânê privaj-aš keleş
 один яйцо добавить-INF надо

Ожид.: 'Чтобы у тебя получился вкусный пирог, нужно добавить одно яйцо к двум стаканам бабушкиного молока'.

Настоящие же источники молока (коза, корова и т. д.) не могут выражаться с помощью генитивного зависимого, вместо этого используется конструкция с соположением:

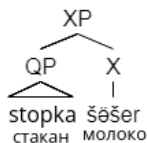
- (55) *kagâl'* *totlâ* *li-žə* *manân*
 пирог вкусный являться-IMP.3SG чтобы
*kok stopka əškəl-(*ən) šəšer-əškə*
 два стакан корова-(*GEN) молоко-ILL
ik mânê privaj-aš keleş
 один яйцо добавить-INF надо

'Чтобы у тебя получился вкусный пирог, нужно добавить одно яйцо к двум стаканам коровьего молока'.

Таким образом, из трех именных категорий, выражающихся в горномарийском языке, — числа, падежа и посессивности — только две могут выражаться в ППК: падеж и посессивность (факультативно), они и маркируют имя N2, которое является вершиной рассматриваемой конструкции. Следовательно, предикативный анализ также не подходит для горномарийских ППК, т. к. предусматривает вершинность N1. В общем случае получаем следующую структуру:

Рис. 5. Структура горномарийских ППК в общем случае

Fig. 5. General structure of Hill Mari pseudopartitive constructions

3.2. Является ли ППК с соположением мерной интерпретации структурой типа DP?

Как отмечается в [Плешак 2017], есть ряд свидетельств в пользу существования структуры DP в горномарийском языке. В силу того, что ППК имеют мерное, нереферентное значение, а группа определителя предполагает референтность структуры, постулирование наличия проекции DP может показаться сомнительным. Однако, как мы видели выше в разделе 3.1.4, ППК с мерной интерпретацией могут иметь генитивные зависимые с притяжательной функцией (55), такие как *rari-n* ‘бабушкин’.

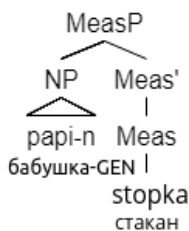
При наличии числительного генитивные зависимые находятся левее него, что соответствует более общим правилам: порядок зависимых в ИГ в горномарийском языке фиксирован, и генитивные ИГ располагаются левее числительных [Плешак 2017].

Таким образом, исходя из гипотезы, предложенной в [Плешак 2017], в примере (53) возможным источником приписывания посессивного генитива является D. Вершина Poss не может этого делать, т. к. согласование по посессивности на вершине ИГ в данных случаях носит факультативный характер.

Если это так и генитивные зависимые в ППК передвигаются в спецификатор DP, то порождаться такие зависимые должны в спецификаторе MeasP, модифицируя N1:

Рис. 6. Структура MeasP в горномарийских ППК

Fig. 6. Structure of MeasP in Hill Mari pseudopartitive constructions

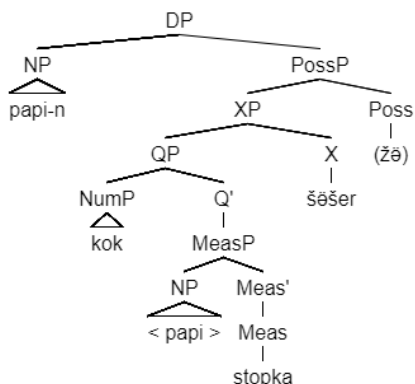

3.3. Вывод о синтаксической структуре ППК в горномарийском языке

Мы предполагаем, что ППК мерного прочтения — DP структура. N2, обозначающее измеряемую сущность, является вершиной функциональной проекции XP. Числительное и N1

образуют составляющую QP. Как N1, так и N2 могут иметь зависимые имена прилагательные (N1 только прилагательные размера), но не присоединяют указательные и неопределенные местоимения, т. к. конструкция обозначает отмеренную часть неопределенного, нереферентного множества единиц. При таком анализе получаем структуру, изображенную на Рис. 7:

Рис. 7. Структура горномарийских ППК
 Fig. 7. Structure of Hill Mari pseudopartitive constructions

4. Сравнение партитивных и псевдопартитивных конструкций в горномарийском языке

В этом разделе мы рассмотрим различия и сходства выражения псевдопартитивных и партитивных отношений в горномарийском языке. Семантическая разница между этими отношениями обсуждалась в разделе 1.

В [Kortjevskaja-Tamm 2009] было предложено четыре утверждения, связанных с ПК и ППК и подтвержденных на достаточно большом количестве языков Европы, включая луговой марийский. В настоящем разделе мы проверим их истинность на горномарийских конструкциях, выражающих мерные значения. В разделе 2 было решено отнести к ним значения КВАНТ, «AD НОС»-МЕРА и СТАНДАРТИЗОВАННАЯ МЕРА. Таким образом, предметом рассмотрения текущего раздела будут две конструкции, примерами которых являются *stopka šəšer* ‘стакан молока’ (ii) и *stopka-štə-šə šəšer* ‘молоко, находящееся в стакане’ (iv).

Утверждение 1: в ПК всегда выражается связь между N1 и N2 (с помощью падежа либо предлога / послелога, относящихся к N2).

Конструкция с соположением N1 N2 (ii) соответствует трем функциям: КВАНТ, «AD НОС»-МЕРА и СТАНДАРТИЗОВАННАЯ МЕРА. Невозможность выражения двух последних в ПК объясняется их нереферентным прочтением, ср. (56).

- N1 N2 (функция «AD НОС»-МЕРА)⁷
- (56) **kängäž-äm mä každâj irok kok*
 лето-ACC мы каждый утро два
stopka ti tarâk-âm jü-än-nä
 стакан этот простокваша-ACC пить-PRF-1PL
 ‘Летом каждое утро мы выпивали два стакана этой простокваши’.

Значение функции КВАНТ, при котором рассматривается подмножество референтного множества, намного предпочтительнее передается с помощью конструкции, в которой N1 маркируется сочетанием показателя инессива и атрибутивизатора (iv), ср. (57)–(58). В этих примерах конструкции, содержащие N1 и N2, несут именно значение КВАНТ, т. к. говорящий предполагает, что Петя выпил молоко, отмеряя порции разного размера.

- N1-IN-ATTR N2 (функция КВАНТ)
- (57) *petja kolmâ stopka-štâ-šâ dä kok*
 Петя три стакан-IN-ATTR и два
cäškä-štâ-šâ ti šäšer-äm jü-n
 чашка IN-ATTR этот молоко-ACC пить-CVB
kolt-en
 послать-PRF.3SG
 {Бабушка принесла два литра молока.} ‘Петя выпил три стакана и две чашки этого молока’.

⁷ Пример ППК, выполняющих функцию СТАНДАРТИЗОВАННАЯ МЕРА, мы здесь не приводим, т. к. они также имеют нереферентное прочтение. Единственной разницей между этими функциями является то, что при значении СТАНДАРТИЗОВАННАЯ МЕРА N1 — стандартный, а не «оккациональный» контейнер.

- N1 N2 (функция КВАНТ)
 (58) *??petja kolmā stopka dä kok cäškä ti*
 Петя три стакан и два чашка этот
šäšer-äm jü-n kolt-en
 молоко-ACC пить-CVV послать-PRF.3SG
 {Бабушка принесла два литра молока.} ‘Петя выпил три
 стакана и две чашки этого молока’.

Таким образом, данные горномарийского языка соответствуют рассматриваемому утверждению: для выражения связи компонентов ПК использование конструкции с соположением (ii) в горномарийском языке нежелательно.

Утверждение 2: в ППК почти всегда N1 предшествует N2.

В обеих рассматриваемых конструкциях N1 действительно предшествует N2.

Утверждение 3: в языках, в которых соположение является предпочтительным способом оформления ППК, ППК и ПК будут принадлежать разным типам маркирования отношений N1 и N2.

Из двух возможных синтаксических структур, соответствующих значениям ППК, именно конструкция с соположением наиболее частотна.

В то же время, как было показано в комментарии к первому утверждению, значение ПК (подмножество референтного множества единиц) предпочтительнее выражается с помощью конструкции, в которой N1 маркируется сочетанием показателя инессива и атрибутивизатора.

Утверждение 4: в языках, в которых соположение является предпочтительной формой для ППК, будут отсутствовать числительные, приписывающие падеж своим комплементарам.

Это утверждение подтверждается: в горномарийском языке нет числительных, которые были бы способны приписывать падеж.

Таким образом, несмотря на то, что горномарийский язык имеет необычно большое разнообразие в выборе конструкций ПК и ППК, в целом все утверждения, предложенные в [Кортjevskaja-Tamm 2009], можно считать верными и для него.

5. Заключение

В данной работе были рассмотрены горномарийские количественные именные конструкции, содержащие в своей структуре N1, обозначающее меру субстанции или контейнер для нее, и N2, имеющее значение некантованной сущности. Выделив пять конструкций, которые выражают отношения между N1 и N2, мы установили соответствие синтаксических структур мерной / контейнерной интерпретациям.

Далее мы остановились на конструкциях с соположением N1 и N2 с мерной интерпретацией, для того чтобы установить синтаксическую связь между ее компонентами. Было показано, что ППК, имеющие мерную интерпретацию, являются DP структурами. N2 представляет собой вершину функциональной проекции XP. Количественное числительное и N1 тесно связаны друг с другом и образуют составляющую QP.

В разделе 3 мы доказали истинность для горномарийского языка утверждений о ПК и ППК, сделанных в [Koptjevskaja-Tamm 2009] для языков Европы.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ПК — партитивная конструкция; ППК — псевдопартитивная конструкция; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; ATTR — атрибутивизатор; CAR — каритив; CVB — конверб; DAT — датив; DEB — дебитатив; DP — проекция определителя (*determiner phrase*); EMPH — усилительная частица; FP, XP — функциональная проекция (*functional phrase*); GEN — генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; IN — инессив; INF — инфинитив; MeasP — проекция меры (*measure phrase*); MINF — супин; NEG — отрицание; NP — проекция лексического существительного (*noun phrase*); NPST — непрошедшее время; NumP — проекция числа (*numeral phrase*); P — притяжательный аффикс; PC, PTCР — причастие; PL — множественное число; POSS — посесивность; PossP — проекция посессора (*possessive phrase*); PRET — претерит; PRF — перфект; PROP — проприетив; PRS — презенс; PRTV — партитив; PST — прошедшее время; QP — кванторная проекция (*quantifier phrase*); REFL — возвратное местоимение; RETR1 — ретроспективный сдвиг; SG — единственное число.

Литература

- Борщёв, Парти 2011 — В. Б. Борщёв, Б. Х. Парти. Генитив меры в русском языке, типы и сорта // И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (ред.). Слово и язык: Сб. статей к 80-летию академика Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 95–137.
- Маркус, Рожанский 2017 — Е. Б. Маркус, Ф. И. Рожанский. Современный водский язык. Тексты и грамматический очерк. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Нестор-История, 2017.
- Плешак 2017 — П. С. Плешак. Морфосинтаксис именной группы в мокшанском и горномарийском языках. Дипломная работа. МГУ, М., 2017.
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка. (Bibliotheca Ceremissica 5). Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Сай 2014 — С. С. Сай. Псевдопартитивы и другие именные конструкции с названиями контейнеров в башкирском языке // В. Ф. Выдрин, Н. В. Кузнецова (отв. ред.). От Бикина до Бамбалюмы, из варяг в греки. Экспедиционные этюды в честь Е. В. Перехвальской. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 107–126.
- Симоненко, Леонтьев 2012 — А. П. Симоненко, А. П. Леонтьев. Морфосинтаксис именного комплекса в финно-пермских языках: анализ в рамках программы минимализма // А. И. Кузнецова (отв. ред.). Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 262–339.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Alexiadou et al. 2007 — A. Alexiadou, L. Haegeman, M. Stavrou. Semi-functional categories: The N-of-N construction and the Pseudo-Partitive construction // A. Alexiadou, L. Haegeman, M. Stavrou (eds.). Noun Phrase in the Generative Perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. P. 395–472.
- Corver 1998 — N. Corver. Predicative movement in pseudopartitive constructions // A. Alexiadou, C. Wilder (eds.). Possessors, Predicates and Movement in the Determiner Phrase. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1998. P. 215–258.
- Danon 2012 — G. Danon. Two structures for numeral-noun constructions // *Lingua*. 2012. Vol. 122. № 12. P. 1282–1307.

- Dikken 1995 — M. Dikken. *Particles: On the Syntax of Verb Particle, Triadic, and Causative Constructions*. New York: Oxford University Press, 1995.
- Grimshaw 1991 — J. Grimshaw. *Argument Structure*. 2nd print. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.
- Khrizman et al. 2015 — K. Khrizman, F. Landman, S. Lima, S. Rotstein, B. R. Schvarcz. Portion readings are count readings, not measure readings // Th. Brochhagen, F. Roelofsen, N. Theiler (eds.). *Proceedings of the 20th Amsterdam Colloquium*. Amsterdam: Institute for Logic, Language, and Computation, 2015. P. 197–206.
- Koptjevskaja-Tamm 2001 — M. Koptjevskaja-Tamm. “A piece of the cake” and “a cup of tea”: Partitive and pseudo-partitive nominal constructions in the Circum-Baltic languages // Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). *The Circum-Baltic Languages: Typology and Contact*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Vol. 2: Grammar and Typology. P. 523–568.
- Koptjevskaja-Tamm 2009 — M. Koptjevskaja-Tamm. “A lot of grammar with a good portion of lexicon”: Towards a typology of partitive and pseudopartitive nominal constructions // J. Helmbrecht, Y. Nishina, Y. Shin, S. Skopeteas, E. Verhoeven (eds.). *Form and Function of Language Research: Papers in Honour of Christian Lehmann*. (Trends in Linguistics Studies and Monographs). Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2009. P. 329–347.
- Löbel 1999 — E. Löbel. *Classifiers and the notion of ‘Semi-Lexical Head’*. Paper presented at the Workshop on Semi-Lexical Heads. Tilburg University, Netherlands, May 20, 1999.
- Partee, Borschev 2012 — B. Partee, V. Borschev. Dva stakana moloka: Substances and containers in genitive of measure constructions in Russian // *Русский язык в научном освещении*. 2012. № 2 (24). P. 140–166.
- Pereltsvaig 2007 — A. Pereltsvaig. The univocity of DP: A view from Russian // *Studia Linguistica*. 2007. Vol. 61. № 1. P. 59–94.
- Pleshak 2016 — P. Pleshak. Adnominal possessive constructions in Mordvin, Mari, and Permic // 49th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. 31 August — 3 September 2016. University of Naples Federico II, Naples. Book of Abstracts. Naples: S. n., 2016. P. 877–879.
- Pustejovsky 1995 — J. Pustejovsky. *The Generative Lexicon*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
- Riemsdijk 1998 — H. Riemsdijk. Categorical feature magnetism: The endocentricity and distribution of projections // *Journal of Comparative Germanic Linguistics*. 1998. Vol. 2. № 1. P. 1–48.
- Rotstein 2012 — S. Rotstein. Numericals: Counting, measuring and classifying // A. Aguilar-Guevara, A. Chernilovskaya, R. Nouwen (eds.). Pro-

- ceedings of Sinn und Bedeutung 16. (MIT Working Papers in Linguistics). Cambridge, MA: MIT Press, 2012. Vol. 2. P. 527–543.
- Rutkowski 2007 — P. Rutkowski. The syntactic properties and diachronic development of postnominal adjectives in Polish // R. Compton, M. Golezdzinowska, U. Savchenko (eds.). *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Toronto Meeting 2006*. (Michigan Slavic Materials 52). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2007. P. 326–345.
- Scott 2002 — G.-J. Scott. Stacked adjectival modification and the structure of nominal phrases // G. Cinque (ed.). *The Cartography of Syntactic Structures*. Vol. 1: Functional Structure in DP and IP. (Oxford Studies in Comparative Syntax). Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 91–120.
- Vos 1999 — R. Vos. A grammar of partitive constructions. PhD Thesis. Tilburg University, Tilburg, 1999.
- Yadroff 1999 — M. Yadroff. Formal properties of functional categories: The minimalist syntax of Russian nominal and prepositional expressions. PhD Thesis. Indiana University, Bloomington, 1999.

References

- Alexiadou et al. 2007 — A. Alexiadou, L. Haegeman, M. Stavrou. Semi-functional categories: The N-of-N construction and the Pseudo-Partitive construction. A. Alexiadou, L. Haegeman, M. Stavrou (eds.). *Noun Phrase in the Generative Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. P. 395–472.
- Borschev, Partee 2011 — V. B. Borschev, B. H. Partee. Genitiv mery v russkom yazyke, tipy i sorta [The Russian genitive of measure, types and sorts]. I. M. Boguslavskiy, L. L. Iomdin, L. P. Krysin (eds.). *Slovo i yazyk: Sb. statey k vosmidesyatiletiju akademika Yu. D. Apresyana* [Word and Language: Collection of Articles to the 80th Anniversary of Yu. D. Apresyan]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2011. P. 95–137.
- Corver 1998 — N. Corver. Predicative movement in pseudopartitive constructions. A. Alexiadou, C. Wilder (eds.). *Possessors, Predicates and Movement in the Determiner Phrase*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1998. P. 215–258.
- Danon 2012 — G. Danon. Two structures for numeral-noun constructions. *Lingua*. 2012. Vol. 122. No. 12. P. 1282–1307.
- Dikken 1995 — M. Dikken. Particles: On the Syntax of Verb Particle, Triadic, and Causative Constructions. New York: Oxford University Press, 1995.

- Grimshaw 1991 — J. Grimshaw. *Argument Structure*. 2nd print. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.
- Khrizman et al. 2015 — K. Khrizman, F. Landman, S. Lima, S. Rotstein, B. R. Schvarcz. Portion readings are count readings, not measure readings. Th. Brochhagen, F. Roelofsen, N. Theiler (eds.). *Proceedings of the 20th Amsterdam Colloquium*. Amsterdam: Institute for Logic, Language, and Computation, 2015. P. 197–206.
- Koptjevskaja-Tamm 2001 — M. Koptjevskaja-Tamm. “A piece of the cake” and “a cup of tea”: Partitive and pseudo-partitive nominal constructions in the Circum-Baltic languages. Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). *The Circum-Baltic Languages: Typology and Contact*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. Vol. 2: *Grammar and Typology*. P. 523–568.
- Koptjevskaja-Tamm 2009 — M. Koptjevskaja-Tamm. “A lot of grammar with a good portion of lexicon”: Towards a typology of partitive and pseudopartitive nominal constructions. J. Helmbrecht, Y. Nishina, Y. Shin, S. Skopeteas, E. Verhoeven (eds.). *Form and Function of Language Research: Papers in Honour of Christian Lehmann*. (Trends in Linguistics Studies and Monographs). Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2009. P. 329–347.
- Löbel 1999 — E. Löbel. Classifiers and the notion of ‘Semi-Lexical Head’. Paper presented at the Workshop on Semi-Lexical Heads. Tilburg University, Netherlands, May 20, 1999.
- Markus, Rozhansky 2017 — E. B. Markus, F. I. Rozhansky. *Sovremennyy vodskiy yazyk. Teksty i grammaticheskiy ocherk* [The Modern Votic Language. Texts and Grammar]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017.
- Partee, Borschev 2012 — B. Partee, V. Borschev. Dva stakana moloka: Substances and containers in genitive of measure constructions in Russian. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2012. No. 2 (24). P. 140–166.
- Pereltsvaig 2007 — A. Pereltsvaig. The univocity of DP: A view from Russian. *Studia Linguistica*. 2007. Vol. 61. No. 1. P. 59–94.
- Pleshak 2016 — P. Pleshak. Adnominal possessive constructions in Mordvin, Mari, and Permic. *49th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. 31 August — 3 September 2016*. University of Naples Federico II, Naples. Book of Abstracts. Naples: S. n., 2016. P. 877–879.
- Pleshak 2017 — P. S. Pleshak. *Morphosintaksis imennoy gruppy v mokshanskom i gornomariyskom yazykakh* [Morphosyntax of Moksha and Hill Mari nominals]. Graduation Thesis. Moscow State University, Moscow, 2017.
- Pustejovsky 1995 — J. Pustejovsky. *The Generative Lexicon*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.

- Riemsdijk 1998 — H. Riemsdijk. Categorical feature magnetism: The endocentricity and distribution of projections. *Journal of Comparative Germanic Linguistics*. 1998. Vol. 2. No. 1. P. 1–48.
- Rotstein 2012 — S. Rotstein. Numericals: Counting, measuring and classifying. A. Aguilar-Guevara, A. Chernilovskaya, R. Nouwen (eds.). *Proceedings of Sinn und Bedeutung 16*. (MIT Working Papers in Linguistics). Cambridge, MA: MIT Press, 2012. Vol. 2. P. 527–543.
- Rutkowski 2007 — P. Rutkowski. The syntactic properties and diachronic development of postnominal adjectives in Polish. R. Compton, M. Goledzinowska, U. Savchenko (eds.). *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Toronto Meeting 2006*. (Michigan Slavic Materials 52). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2007. P. 326–345.
- Savatkova 2002 — A. A. Savatkova. Gornoye narechiye mariyskogo yazyka [Hill Mari Language]. (Bibliotheca Ceremissica 5). Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002.
- Say 2014 — S. S. Say. Pseudopartitivы i drugiye imennyye konstruktсии s nazvaniyami konteynerov v bashkirskom yazyke [Pseudopartitive and other nominal constructions with container names in Bashkir]. V. F. Vydrin, N. V. Kuznetsova (eds.). *Ot Bikina do Bambalyumy, iz varyag v greki. Ekspeditsionnyye etyudy v chest Ye. V. Perekhval'skoy* [From Bikin to Bambalyuma. From the Varangians to the Greeks: Expeditions Essays in honour of Elena Vsevolodovna Perekhval'skaya]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. P. 107–126.
- Scott 2002 — G.-J. Scott. Stacked adjectival modification and the structure of nominal phrases. G. Cinque (ed.). *The Cartography of Syntactic Structures*. (Oxford Studies in Comparative Syntax). Oxford: Oxford University Press, 2002. Vol. 1: Functional Structure in DP and IP. P. 91–120.
- Simonenko, Leontev 2012 — A. P. Simonenko, A. P. Leontev. Morfosintaksis imennogo kompleksa v finno-permskikh yazykakh: analiz v ramkakh programmy minimalizma [Morphosyntax of Finno-Permic nominals under minimalist program]. A. I. Kuznetsova (ed.). *Finno-ugorskiye yazyki: Fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formalnyy i funktsionalnyy podkhody* [Finno-Ugrian Languages: Fragments of the Grammar. Formal and Functional Approaches]. (Studia philologica). Moscow: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi, 2012. P. 262–339.
- Testeleets 2001 — Ya. G. Testeleets. Vvedeniye v obshchiy sintaksis [Introduction to General Syntax]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2001.
- Vos 1999 — R. Vos. A grammar of partitive constructions. PhD Thesis. Tilburg University, Tilburg, 1999.

Yadroff 1999 — M. Yadroff. Formal properties of functional categories: The minimalist syntax of Russian nominal and prepositional expressions. PhD Thesis. Indiana University, Bloomington, 1999.